

Пролог

Вовка с хрустом всадил лопату в песок:

— Здесь!

Он присел на корточки, достал из кармана затертую пачку «Астры» и с нескрываемой насмешкой посмотрел на меня.

— Давай!

Я, не отвечая, воткнул в мягкую землю глинный металлический щуп и огляделся.

Местечко здесь и вправду невеселое: куцая поляна — даже, пожалуй, не поляна — пустырь, поросший редкой травой и какими-то деревцами-недомерками, среди чахлого кустарника за деревней. А там, где я сейчас стоял, у опушки чернолесья (ольха, осина и квелые березки), имелась проплешина почти правильной овальной формы метров восьми в самой широкой части. Даже сухого стебелька не выглядывало из серого песка — только Вовкина лопата.

Было еще совсем рано — слишком рано — для активной деятельности после вчерашней содержательной беседы за полночь за бутылкой рафинадного самогона, и я мысленно пожелал доброго здоровья деревенскому жителю Вовке с его идиотской привычкой вставлять ни свет ни заря, а также самому себе, затеявшему вче-

ра глупый спор. Мне, конечно, очень нужно было сражаться за научную точку зрения с колхозным трактористом, убежденным, как и все в деревне, в том, что молнии постоянно бьют в это проклятое богом место именно потому, что оно проклятое. А я, разгоряченный от рафинадного, доказывал, что никакого проклятия нет — тут либо руды железные близко к поверхности залегают, либо задний мост от МТЗ, с машинного двора упертый, кто-то закопал га и забыл. Словом, вышли на научный эксперимент. Ищи теперь этот задний мост или Курскую магнитную аномалию у деревни Прилеповка...

Я слотнул вязкую слюну, скопившуюся во рту, и, вздохнув, взялся за щуп. Длинная острая спица, сделанная из толстой стальной проволоки, легко вошла в рыхлый серый песок по самую рукоятку в виде баранки, скрученной из той же проволоки. Я начал с краю и, методично всаживая сталь в землю через каждые полшага, прочесывал проплешину — черт бы ее побрал! А Вовка, попыхивая сигаретой, с интересом наблюдал за мной. Я понимал, чего тот ждет: городской приятель быстро выдохнется, сдаться, и тогда всей деревне можно будет рассказать, как «ученый» был посрамлен.

Мы выросли вместе: моя легкая характером и поведением мать каждый год отвозила сына на лето под присмотр одинокой сестры. Мы с Вовкой днями шастали по окрестным лесам, пугая невинную живность выстрелами из самопалов или до посинения бултыхаясь в Переплюйке — крохотной речушке у деревни, полностью соответствовавшей своему названию. Потом

наши пути разошлись: Вовка остался в деревне, а я отправился грызть гранит науки — способности вдруг открылись. «Во многих мудрости много печали, кто умножает познания, тот умножает скорбь...» С тех пор виделся редко — когда приезжал навестить тетку, давно заменившую мне сгинувшую на просторах великой страны мать. Во время этих задушевных встреч за традиционным стаканом рафинадного (из зерна по причине трудоемкой технологии в деревне самогон практически не гнали) друг детства — видно, испытывая какую-то обиду, — все пытался меня хоть в чем-то переспорить, доказать, что он знает не меньше. В последние годы я в таких ситуациях обычно уступал — было б из-за чего портить отношения! Но вчера почему-то заупрямился...

Упрямство одолевало меня и сейчас: с первого взгляда было ясно, что ничего на этой песчаной лысине не найти, но я все же тыкал и тыкал щупом в песок, время от времени смахивая пот со лба, — между небом, затянутым тяжелыми черными облаками, и унылой землей становилось по-предгрозовому душно. Может быть, бросил бы, если бы приятель не улыбался так нахально.

Вовке надоело первому.

— Ладно, Мишка, брось! — он отшвырнул давно погасший окурочек, встал и с наслаждением потянулся. — Сам видишь, ничего тут нет. Хрен с ней, бутылкой этой, — добавил он миролюбиво. — Пойдем, похмелимся, как люди, и... — он вздохнул. — Работы много.

Я с облегчением кивнул и... проснулся. Некоторое время лежал, ощущая, как лихорадочно трепыхается

в груди сердце. Странный сон: живой, яркий, красочный — будто реально перенесся на тридцать лет назад. Я явственно ощущал духоту, которой был насыщен воздух, осязал потной ладонью нагретый металл щупа, вдыхал исходивший от земли легкий запах прели. Удивительно. Сны, которые приходили ко мне в последние годы, были тусклыми, серыми и забывались по пробуждении. Захочешь — не вспомнишь. И вот вдруг...

Разбередело, теперь не уснуть. Я нашарил на тумбочке смартфон и дважды тяпнул по экрану. Подсветка выхватила из темноты цифры — 5:32. Подумав, я ухватился за спинку кровати и, с натугой ворочая тяжелое тело, встал. С каждым годом подъем дается труднее — старость не радость. Остро кольнуло в спине, но я не обратил внимания — привычно. Шлепя по полу босыми ногами, прошел к кухне, щелкнул выключателем и открыл дверь.

Бутылка стояла на обычном месте в шкафчике, как и рюмка. Переместив их на стол, открыл жестяную пробку и плеснул в хрустальную емкость светло-желтой жидкости. Поднес рюмку ко рту. Ноздри уловили легкий аромат яблок, перебивший запах сивухи. Самогонная настойка на сухофруктах собственной выделки. Водка мне не по карману — семь рублей¹ за бутылку минимум. С моей пенсией особо не поищуешь. Третью ее уходит на коммуналку и прочие платежи, на оставшиеся рубли нужно есть, пить и одеваться — не выходить же на улицу в рванье. Хотя выбираюсь я главным обра-

¹ Здесь и далее речь идет о белорусских рублях. Один белорусский рубль в разное время был равен 20 — 30 российским рублям.

зом в магазин. Раньше заглядывал на почту — получить пенсию и заплатить коммуналку, но в последнее время стали болеть ноги. Перевел пенсию на банковскую карточку, а платить стал по интернету. Слава богу, старенький ноутбук, купленный с рук, еще живой. Интернет, конечно, не дешев, но без него загнешься с тоски...

Ароматная жидкость, скользнув по пищеводу, согрела желудок приятным теплом. Я крикнул и поставил пустую рюмку на стол. Хорошо пошла! Напиток у меня из сахара — из килограмма выходит литр сорокаградусной. При этом не жадничаю: тщательно отбираю «головы» и «хвосты». Аппарат фабричный — купил дешево на Куфаре¹. Его прежний владелец наигрался и не стоял за ценой. Многие почему-то думают, что стоит купить самогонный аппарат, как тот начнет заливать тебя чудесным напитком. Винокурение — ремесло, и, как всякое другое, требует кропотливого труда и тщательного соблюдения технологии. Но нам же лень, вот и получаем на выходе вонючий шмурдяк. Покупка аппарата у незадачливого самогонщика вместе с принадлежностями обошлась мне в 120 рублей — чувствительно для моей пенсии, но оно того стоило. Инвестиция окупилась за пару месяцев. Пол-литра самогона обходятся в полтора рубля — это считая расходы на газ для подогрева и воду для охлаждения. Пить можно сразу, но я делаю настойки. Сухофрукты у меня свои — яблони на дачном участке плодоносят регулярно. Есть вишни и сливы. Фрукты режу, из вишен и слив достаю косточки и сушу под навесом — за сезон набирается

¹ Куфар — интернет-площадка объявлений в Беларуси.

мешок. Две горсти в трехлитровую банку, залить самогонном — и через пару дней у тебя кальвадос, вишневка или сливовица. Не настоящие, конечно, но куда лучше водки. От нее у меня болит печень, от настоек — нет.

Я прошел к полке за сигаретами. По пути невольно глянул в висевшее на стене зеркало. Оно отразило рыхлого лысого старика с расплывшимся лицом. Двойной подбородок, обвисшие брыли щек... На щеках и лбу — многочисленные пигментные пятна и родинки. Да уж, рожа... Хотя кому на нее смотреть? Жена умерла в прошлом году, детей мы не назвали, а соседям одинокий старик неинтересен. Продавцы в магазине видят в тебе лишь покупателя. Меня они знают, здороваемся, но и только. Никому ты не нужен, Михаил Иванович, — даже наследникам, поскольку их нет. Вот исполнится 70 лет, подпишу с государством договор и отправлюсь в дом престарелых. В обмен на квартиру получу отдельную комнату со всеми удобствами, сестринский уход и трехразовое сбалансированное питание. Пенсия при этом частично сохраняется, узнавал. Буду жить среди таких же стариков и старушек. Не лучшая компания, но хоть поговорить будет с кем. Пить тоже можно — если аккуратно, конечно. То есть не буханить и безобразия не учинять. Но поговорить за мной и в молодые годы не водилось. Пьяница я тихий...

Щелкнув зажигалкой, я закурил и присел к столу. Выдохнув дым к потолку, задумался: штак, сон... Почему именно этот незначительный эпизод из прошлого? В моей утекшей, словно вода между пальцами, жизни были моменты поинтереснее. В тот день на пустыре

наш спор с приятелем так и кончился ничем. Я принял предложение Вовки, мы вернулись в деревню, где похмелились и разбежались каждый по своим делам.

...Вовка умрет от рака легких через двадцать лет. Дымил он безбожно, да еще предпочитал сигареты покрепче. Сгорел за полгода. Почувствовал боль в груди, табачный дым стал невкусным... Дети отвезли его в клинику, но поздно. Рак легких скоротечный, сволочь, лечится плохо, а тут еще Вовка заерепенился и не погдался на уговоры сразу. Упрямый был... Он стал первым из моих приятелей, ушедших за кромку. Год от года число их росло, пока не осталась пустыня, и я в ней — одинокий саксаул. Наполовину высохший, но еще пытающийся казаться живым. Как я к этому отношусь? Спокойно. Никого не минет чаша сия. Иногда, правда, становится тошно, и невольно думаешь: хватит коптить небо. Но затем приходит страх, и ты гонишь от себя гурные мысли. Эх, знать бы точно: как там? Пускай ад, но какой он? На что можно рассчитывать такому, как я? Только кто ж скажет? Оттуда не возвращаются...

Я загасил окурок в пепельнице и встал. В груди кольнуло, затем тело затопила острая и невыносимая боль. Сердце будто кто-то сжал в кулаке и теперь давил изо всех сил. Пошатнувшись, я сделал шаг к двери — в спальне на тумбочке остался телефон. Набрать 103... Ноги подвели. Меня шатнуло, мир вокруг начал стремительно сжиматься, наступила темнота, и я только успел почувствовать, как куда-то лечу...

1

— Ну что, пошли? — спросил Вовка. Он стоял, вопросительно глядя на меня.

Опять этот сон... В следующий миг пришло осознание: никакой это, на хрен, не сон. Я только что умер у себя в квартире. Или же нет? Лежу сейчас без сознания на полу в кухне — до спальни так и не добрался. Но, если так, почему дышится легко, тело переполняет сила, а природа вокруг хоть и притихла в ожидании грозы, но выглядит живой и объемной?

— Нет, — ответил я и для убедительности покачал головой.

Вовка пожал плечами:

— Смотри, гроза будет. Долбанет молнией — и будет тебе открытие! — он сложил руки на груди и закатил глаза, наглядно изображая мое ближайшее будущее.

Я вместо ответа ожесточенно воткнул шуп в землю. Уходи! Мне нужно понять, что вообще происходит.

Вовка еще раз пожал плечами, покосился на свою лопату (хорошую, с черенком, отполированным до блеска ладонями), вздохнул и поплелся к деревне. Я подождал, пока он скроется за кустами, и опустился на песок. Страху не было, как и паники. В стрессовых ситуациях я умею мыслить трезво — это не раз выручало

меня в жизни. Итак, версий две. Первая: я сейчас лежу на полу, а все, что вижу, — не более, чем бред умирающего мозга. Проверим. Я зачерпнул горстью песок и поднес ладонь к глазам. Песчинки с чуть слышным шорохом стали вытекать между пальцами. Я отчетливо ощущал их движение, вес и объем. Стряхнув остатки песка на землю, взял лопату. Тяжелая. У меня на даче лопата из титана — легкая и удобная, копать ею — одно удовольствие. Этой намашешься. Я попробовал пальцем край штыка — острый. Резать палец до крови не стал — глупо. И без того ясно, что мир вокруг реален — во снах и бреде подобного не бывает, там все странно и нелогично.

Тогда версия вторая: я умер и мое сознание перенеслось в мое же тело, но на тридцать лет назад. Кто и зачем это сделал? Риторический вопрос. Случайность отвергаем — науке такие феномены неизвестны, хотя кое-кто с пеной у рта будет отстаивать обратное. Атеисты — они порою хуже либералов. И те, и другие на дух не переносят иную точку зрения, хотя на словах за свободу совести и мнений. «Кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится», — говорил Воланд в романе «Мастер и Маргарита». Хотя этот персонаж — Князь тьмы, священники с ним полностью согласны — сам слышал. Остается понять, зачем Ему понадобилось переместить мое сознание в это время и место? Для чего?

С неба посыпались пока редкие капли, вот-вот ливень грянет, и я решил отложить эти размышления на потом. Встал, подобрал лопату. В этот миг будто кто-то

разорвал небо надвое. Оглушительный треск раздался сверху, и ослепительно-белая, с синевой по краям (я успел это заметить) лента шваркнула под ноги. Меня словно подбросило, и все вокруг исчезло в черноте...

* * *

Очнулся от ощущения сырости на лице. Открыл глаза. Грязно-серые облака висели прямо надо мной, из них сеялся мелкий колючий дождик.

Я сел и огляделся. Лопата и щуп валялись рядом. Провел ладонью по груди. Рубаха была влажной, но не мокрой — значит, лежал без сознания недолго. «Молния, — вяло всплыла мысль, — все-таки они сюда точно бьют, Вовка не зря предупреждал. Хорошо еще, что не убило. Это было бы просто замечательно: переместиться в прошлое, чтобы от молнии погибнуть».

Я встал, подобрал лопату и щуп и побрел к деревне. Меня слегка мутило, ноги казались ватными, но по сравнению с тем, как я чувствовал себя на пенсии... Здоровье — такая вещь: понимаешь его ценность после утраты.

Вовки дома не оказалось — умчался на работу, о чем говорил висевший на дверях дома замок. Жена приятеля с детьми вчера уехала в гости к матери, что и дало нам возможность приятно посидеть за полночь, иначе разогнали бы раньше. Я прислонил к стене сарая лопату и щуп и отправился к тетке. В сенях зачерпнул кружкой из ведра и выпил холодной и невероятно вкусной колодезной воды, после чего открыл дверь в дом.

Тетя лежала на кровати поверх покрывала в одежде и слегка постанывала — похоже, снова давление прыгнуло. В прошлой жизни гипертония свела ее в могилу — инсульт. Я придвинул стул к кровати и присел. Тетя повернула ко мне перекошенное болью лицо.

— Ты где это ходил? — прошептала тихо.

— Да так, — ответил я неопределенно и спросил: — Голова болит?

Она прикрыла глаза, подтверждая — качать головой или говорить далее, видно, не позволяла боль.

Повинуясь какому-то безотчетному чувству, я положил левую ладонь ей на лоб. Тот был горячим — да настолько, что собственная рука показалась мне ледяной. И внезапно ощутил, как холод из ладони заструился туда, в жар. Я словно бы лил что-то из себя в этот пышущий огнем лоб, и жар вдруг стал сжиматься и отступать. Ощущение было странным и пугающим, я попытался убрать ладонь. Но тетка с неожиданным проворством упредила, крепко схватив меня за руку.

— Не надо, пусть будет, — попросила шепотом.

Через несколько минут я ощутил, что жар под ладонью съезжился и исчез совсем. Руки тетки ослабли и тихонько скользнули на постель, она вздохнула и глянула на меня осмысленно.

— Прошло, — сказала удивленно. — Так быстро! — она обвела взглядом комнату и остановила его на часах. — Десять, — сказала, подхватываясь. — Что ты сидишь? Автобус через час, а тебе еще три километра топтать. Давай живо! Сумку тебе я собрала.

Путь до соседней деревни я преодолел одним духом. Шел быстрым шагом, не забывая поглядывать по сторонам. Хотя смотреть, по большому счету, не на что. По правую руку заболоченный луг и кусты, по левую — лес. Через месяц, а то и раньше в нем вырастут грибы. Грибов тут много. В детстве мы с теткой собирали их мешками, сушили и сдавали заготовителям. А еще ягоды — чернику, бруснику и клюкву. Тетя Оля хвалила меня за старание и наделяла монетами — серебряными гривенниками и двугривенными. По возвращении в город я покупал на них мороженое и конфеты...

Мной овладело странное чувство. С одной стороны, тело радовалось вернувшейся силе и здоровью, но с другой — мозг продолжал пребывать в смятении. Случившееся со мной — реальность или все же бред? Вдруг я там впал в кому и это — видение? Знать бы, что видят люди, пребывающие в таком состоянии, — никогда об этом не читал. О тех, кто пережил клиническую смерть и вернулся, информации море, да и сам слышал из первых уст. Был у меня друг, который побывал за кромкой, я как-то спросил его, видел ли он чего ТАМ? «Было радостно, — ответил друг смущенно. — Не хотелось возвращаться...» Толя, так его звали, остался сиротой в три месяца. Случилось это в 1942 году в оккупации. Немцы повесили его мать, отец сгинул на фронте, и младенца забрали чужие люди. После войны сдали в детдом. Жить тогда было голодно, а в детдоме кормили. Толя выжил, сумел получить образование, даже стал писателем — у меня в книжном шкафу стояли его книги с автографами. Голодное детство сказалось на здоровье